

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ВЪ ИРКУТСКѢ, ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, СРЕДАМЪ и ПЯТНИЦАМЪ.

Содержаніе.—Городская хроника.—Хроника сибирской жизни.—Корреспонденція изъ Благовѣнска.—Письма-сибирякъ И. В. Федоровъ-Омудельскій, В. Л.—Елка, В. С. Иллича.—Сибирскіе вѣззачи, *Неисправимаго резонера.*—Справочный отдѣлъ.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1894 ГОДЪ

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1894 году «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» будетъ выходить ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выпускаться бюллетени «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». При газетѣ издаются, въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ, періодическіе сборники, заключающіе большія литератур. и научныя статьи.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ НАПЕЧАТАНА ВЪ № 41.

Цѣна газетъ: за годъ—8 р., полгода—5 р., 5 мѣсц.—2 р. 50 к., 4 мѣсц.—3 р. 75 к., 3 мѣсц.—3 р. и за 1 мѣсц.—1 р.

Газета съ приложеніями за годъ 10 р. За бюллетени «Сѣв. Телегр. Агентства» особо доплачивается 3 руб.

ОТДѢЛЬНЫЕ № № ГАЗЕТЫ ПО 10 К.

Подписка принимается въ Иркутскѣ, въ конторѣ редакціи «Восточнаго Обзорія», Харлампіевская, д. Сивинцовой и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Иногородніе адресуются исключительно: Иркутскъ, редакція «Восточнаго Обзорія».

ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Въ №№ 21—22 Изв. думы напечатано объясненіе попечительнаго совѣта заведенія Н. П. Трапезникова на замѣчанія комиссіи, ревизовавшей заведеніе въ 1893 г. Отъ объясненій по предметамъ, относящимся къ учебной части, совѣтъ отказался. Изъ объясненій его по прочимъ предметамъ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе то, что совѣтъ ежегодно вынуждаетъ изъ заведенія тѣхъ учениковъ, которые пробывъ въ заведеніи шесть лѣтъ, хотя-бы они и не кончили курса. Въ этомъ онъ руководствуется 47 § своего устава, который, впрочемъ, именно начинается словами: «По окончаніи курса». Замѣчательно еще объясненіе по поводу замѣчанія комиссіи о несомнѣтельности должности смотрителя заведенія съ обязанностями преподавателя промышленнаго училища: совѣтъ требуетъ «опредѣленныхъ фактовъ», указывающихъ на несправности смотрителя по этой должности, и ссылается на то, что онъ утверждёнъ въ ней «съ тѣмъ условіемъ», чтобы онъ состоялъ и преподавателемъ промышленнаго училища. Кѣмъ постановлено это «условіе»? Казалось-бы, начальнику учебно-воспитательнаго заведенія не только неудобно, но просто неприлично занимать еще какую-нибудь другую должность (кромѣ почетныхъ), но попечительный совѣтъ, должно быть, думаетъ иначе.

Намъ доставленъ текстъ отвѣтнаго письма учениковъ иркутской гимназіи «маленькимъ французскимъ товарищамъ» слѣдующаго

содержанія: Всѣ мы, ученики иркутской гимназіи, сердечно благодаримъ васъ за ваше братское привѣтствіе.

Счастливы мы, что годы нашего дѣтства озарены проявленіемъ такого высокаго сердечнаго порыва двухъ великихъ націй другъ къ другу и къ союзу мира.

Усердно молимъ Бога, чтобы сближеніе Франціи и Россіи укрѣпило миръ на землѣ между государствами и доброжелательство между людьми внутри ихъ.

На одной сторонѣ письма адресъ, на другой—вышеприведенное привѣтствіе съ французскимъ переводомъ его, а внизу восклицаніе: *Vive la France! Vive la Russie!*

Съ 17-го декабря въ Ангартѣ замѣчается значительная прибавка воды. Говорятъ, что куческіе оboзы, идущіе изъ Томска, переѣзжаютъ по льду Ангарту въ с. Черемховомъ.

Передаютъ, что въ субботу, 18-го декабря, при уборкѣ понтона моста, какимъ-то образомъ стаяло съ берега канатомъ въ воду двухъ лошадей, и одна изъ нихъ утонула.

Мы слышали, что на рождественскихъ праздникахъ во многихъ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ устраиваются для учащихся равныя развлеченія, елки и т. п.; въ учительской семинаріи предположенъ литературный и танцевальный вечеръ, а въ мужской гимназіи—спектакль.

По поводу помѣщенной въ № 59 «В. Об.» замѣтки объ открытіи училища Павла Пономарева намъ доставлены слѣдующія подробности. Определенный для училища комплектъ 50 мальч. и 50 дѣвоч. полностью числится еще въ 20-хъ числахъ ноября, т. е. за нѣсколько дней до открытія училища, а ко дню открытія, 30 ноября, желающихъ поступить въ училище насчитывалось до 130 мальч. и дѣв., но послѣднихъ отказано. Всѣ дѣти 100 чел. одѣты были въ новые костюмы не на счетъ училища, а на средства почетнаго блюстителя училища Н. К. Стукова; кромѣ того, на его-же средства заведены для немущихъ верхнія теплыя одежды, какъ-то: шубы, шапки, платки, валенки и проч. Въ день открытія училища были отслужены въ Срѣтенской церкви (Покровской), въ Знаменскомъ предмѣстьи, литургія, а въ часовнѣ, въ оградѣ той-же церкви, надъ могилой жертвователя, отслужена панихида по усопшемъ жертвователѣ. При служеніи этомъ присутствовали всѣ принятыя въ училище дѣти съ учителями и учительницей во главѣ. Также и 8-го декабря, въ день десятилѣтія со дня кончины жертвователя, совершены были, въ той-же Срѣтенской церкви, заупокойная литургія, а въ часовнѣ панихида въ присутствіи учащихся и учащихся, освобожденныхъ въ этотъ день отъ учебныхъ занятій. При этомъ день 8-го декабря опредѣлено чествовать въ память жертвователя и на будущее время ежегодно въ томъ-же порядкѣ.

Въ настоящее время (къ 18-му декабря) желающихъ поступить въ училище Павла Пономарева насчитывается уже до 80-ти мальчонковъ и дѣвочекъ, но за немнѣишемъ втораго училища имъ отказывается.

По городу ходятъ слухи, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комитета по постройкѣ нашей сибирской желѣзной дороги постановлено: линію желѣзной дороги между Иркутскомъ и Забайкальемъ пока не строить, а дорогу иркутско-красноярскую довести черезъ городъ Иркутскъ до станціи Лиственной. Забайкальская-же дорога начнется прямо отъ Мусоной; между станціей Лиственной и Мусовой будутъ устроены правильные рейсы казенныхъ пароходовъ «ледорѣзовъ», такъ что Иркутскъ, особенно на время прекращенія навигаціи, явится главнымъ складочнымъ пунктомъ.

Кромѣ того, комитетъ нашель возможнымъ ускорить постройку линіи между Иркутскомъ и Красноярскомъ на цѣлыхъ пять лѣтъ, а

чать постройку съ будущей-же весны, сразу съ двухъ пунктовъ—отъ Иркутска и Красноярска. Постройка кругобайкальской линіи будто-бы откладывается на 25 лѣтъ.

◆ 16-го декабря, приблизительно отъ 4-хъ до 8-ти час. веч., изъ двора Д. Плетюхина, по большой ул., при незапертыхъ воротахъ, покрадено, неизвестно кѣмъ, мѣсто толпаря съ бумагами, стоящее около 200 руб., принадлежащее купцу Казареву.

◆ 17-го декабря, въ 1 ч. 30 мин. дня, по 1-й Иерусалимской ул., въ д. Душаковой, крестьянинъ изъ сѣмьныхъ Тутурской вол., Алтай Чуритскій, нанесъ рану ножемъ въ животъ крестьянину изъ сѣмьныхъ-же Кошецкой вол., Байтанашу Дочанову. Причина пораненія произошла будто-бы изъ-за какихъ-то денежныхъ расчетовъ. По мѣтвѣнн врача Кудалкина жизнь потерпевшаго находится въ опасности. Чуритскій задержанъ.

◆ Въ ночь съ 20-го на 21 декабря, по детской ул., изъ амбара д. Раевского, со вломомъ замка, неизвестными злоумышленниками похищены двѣ пшеничныя дохи и кучерскія кафтаны, на сумму болѣе 300 рублей.

◆ 19-го декабря, въ 11 ч. веч., неизвестными злоумышленниками со двора д. Стефанскаго, по трювцкой ул., посредствомъ валома замкомъ, похищено изъ 3-хъ амбаровъ разной обуви, пошебанаго платья и вещей, на сумму болѣе 300 рублей.

◆ Въ ночь съ 19-го на 20 декабря, по Харламовской ул., въ д. Вагина, неизвестные злоумышленники покушались совершить кражу, причемъ вломались въ амбара и завоза 2 замка.

◆ 20-го декабря приставомъ 3-й части Москаленцемъ, фельдфебелемъ Балвинскимъ, стражникомъ Сергѣевымъ и городовымъ Архиповымъ розыскана часть товаровъ, по блиновской ул. въ д. Сабурова, у крестьянина Оношинкина, мѣшанина Каминцева и мѣшаника Тюриной, покраденныхъ съ обоза 18-го декабря, у томскаго мѣшанина Сафонова.

◆ 20-го декабря городовымъ 3-й части Ефремовымъ, Кокуровымъ и Фроловымъ розыскана по подгорной ул., въ д. Пяткова, у поселена Пшудла Кабленинъ часть вещей, покраденныхъ въ ночь на 19 декабря, по вломленому переулку, у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дебиза.

◆ 20-го декабря, по кузнецкой ул., въ д. Пежемскаго, отравилась спичками поселенская дѣвица Агафья Гварилова, 38-ми лѣтъ.

ХРОНИКА СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ.

Намъ пишутъ изъ поселка забайкальскаго казацкаго войска *Хамней* о довольно трагическомъ положеніи тамошняго населенія, оказавшагося безсильнымъ въ борьбѣ съ культуртрегерами знаменіи «расширочно и на выносъ». Поселокъ, состоящій изъ 60-ти дворовъ съ населеніемъ въ 200 душъ до нынѣшняго времени не имѣлъ у себя питейнаго заведенія, не смотря на то, что въ продолженіи 10-ти лѣтъ ежегодно навѣщали туда радѣтели, хлопотавшіе о выдѣлѣ имъ общественнаго приговора на открытіе этого неперемѣннаго атрибута культурности. Никакія увѣщанія не дѣйствовали, и общество, прогнывая въ своемъ невѣжествѣ, упорно отказывало въ выдѣлѣ просящихъ приговоромъ. Въ нынѣшнемъ году повторилась та-же исторія, но тутъ уже просвѣтитель не вытерпѣлъ и рѣшилъ безъ согласія общества приобрести его къ семьѣ культурнаго человѣчества: довѣренный хитинскаго купца Р. сталъ строить въ самомъ поселкѣ оптовый складъ, на открытіе котораго не требуется согласія общества. Разъ складъ открылся, хамнейцы быстро просвѣтятся и процвѣтутъ...

◆ Газета «Владивостокъ» сообщаетъ, что въ городъ на пароходѣ «Москва» прибылъ начальникъ Анадырскаго округа Н. Л. Гондати, извѣстный своими учеными трудами, и о которомъ мы сообщали въ одномъ изъ прежнихъ номеровъ газеты. На г. Гондати возлагаются большія надежды по изученію края, такъ какъ собственно прямыхъ полицейскихъ обязанностей въ край не существуетъ.

◆ Въ г. Хабаровскѣ учрежденъ комитетъ подъ предѣлательствомъ ея превосходительства В. М. Духовской, назначеніе коего будетъ состоять въ преобразованіи горскаго женскаго училища, открытаго на пожертвованія во время III хабаровскаго съѣзда, въ женскую гимназію и въ постановкѣ этого учрежденія въ возможно лучшія условія.

◆ 12-го декабря выѣхалъ въ Петербургъ начальникъ постройки средне-сибирской желѣзной дороги М. П. Меженниковъ. Говорятъ, что въ числѣ вопросовъ, возбужденныхъ г. Меженниковымъ и имѣющихъ быть разрѣшенными въ Петербургѣ, стоитъ вопросъ и о безотлагательной постройкѣ вѣтви къ г. Томску.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ «ВОСТОЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Благовѣщенскіи, 5-го ноября. Наши почтово-телеграфные порядки просто изумительны. Судите сами. Изъ Срѣтенска 6-го октября пришла вѣчная почта. На слѣдующій день городской библиотека получила газеты и журналы. Узнавъ объ этомъ, община-тель торопится на почту справиться, итъ-ли чего-нибудь. «Все, говорятъ, сдано разсылному». Успокоенный, возвращается домой и ждетъ... день, другой, третій, недѣлю, другую... Потерявъ терпѣніе, отправляется за разъясненіемъ. Но тамъ нѣтъ ничего не

знаеть. Нужно дожидаться разсылнаго. Приходить, наконецъ, разсылный и извиняется, что не успѣлъ завести. Не правда-ли, какъ все это мило! Все зависитъ отъ разсылнаго; отъ него только вы можете получить нужную вамъ справку, отъ него-же зависитъ доставить или не доставить вамъ корреспонденцію. Чиновниковъ все это не касается. Ихъ назначеніе другое, какое именно, доподлинно сказать не могу, потому что пріемъ корреспонденціи тоже, повидимому, не входитъ въ ихъ прямыя обязанности, и если они это дѣлаютъ, то скорѣе въ видѣ одолженія, чѣмъ по обязанности. Можетъ быть ихъ назначеніе пріучать обывателя къ терпѣнію и почтовымъ порядкамъ? Одна знакомая дама разсказывала мнѣ, какъ телеграфный чиновникъ прочиталъ ей весьма внушительную нотацию за то, что она имѣла неосторожность *преступно* времени спросить, сколько нужно заплатить за отсылаемую ею депешу?—Это-ли не преступенъ?.. Можно-ли позволять подобную неучтивость со стороны публики? Конечно, итъ... и чиновники не позволяютъ...

Заговоривъ о почтѣ, не могу не упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве. Прихожу я какъ-то, въ шесть часовъ вечера, подать депешу. Отворяю дверь,—темно. Добиралось омушко до слѣдующей двери, отворяю,—опять темно. Ощупью-же добиралось до третьей двери, отворяю,—гдѣ-то далеко мерцаетъ огонекъ, точно пиванскій черныкъ. Чудно! Неужели этимъ способомъ экономія соблюдается, экономія на счетъ дѣловъ обывателей?

На Амурѣ все своеобразно. Каждый человѣкъ здѣсь чувствуетъ, что онъ не единица только, а итъя, и что онъ на что-то нуженъ, а потому знаетъ себя цѣну. Все это не худо, конечно; но почему-же знающій себя цѣну человѣкъ не можетъ отказать себя въ удовольствіи плевать направо и нѣлѣво? Казалось-бы, между тѣмъ и другимъ итъвъ ничего общаго; но близость-ли Америки сказывается, или такова уже натура русскаго человѣка, что онъ своею независимостью не можетъ никакъ выразить, какъ плеваніемъ, не знаю; но только это такъ, и здѣсь можно ежемгновенно видѣть тому несомнѣнные примѣры. Возьмите хотя нашихъ приказчиковъ. Гдѣ-же приказчики бывають не любезными?... Галантисты ихъ даже въ поговорку вошла. У насъ не-то. Приходите въ любую лавку, взгляните на физиономію любого приказчика: такъ и впаисано, что онъ плевать на васъ хочетъ. И онъ даже этого скрывать не хочетъ отъ васъ. А почему? Потому все, что онъ себя цѣну знаетъ, и магазину цѣну знаетъ, и хозяйну своему знаетъ цѣну. Хозяинъ этотъ знаетъ въ свою очередь, что у него покупатель будутъ, а потому не считаетъ нужнымъ пріучать своихъ приказчиковъ къ деликатности. А попробуйте какихъ-либо развѣсившій спросить—съ вами и разговаривать не стануть. И ничего, все это сойдеть, потому—куда вы дѣнетесь?... Конкуренція никакой: Чуринъ, Эмери, Дикманъ, Дикманъ, Эмери, Чуринъ, и дальше ни шагу. Говорятъ, откроетъ здѣсь торговлю фирма: «Кунетъ и Альберсъ».... Но уланта ѣдетъ, когда-то прѣдетъ, а пока что, бѣдный обывательскій карманъ трещить. За иностраннѣе товары, доставляемые сюда моремъ и притомя безопасно, мы платили дороже, чѣмъ въ Иркутскѣ. А все почему? Потому что здѣсь Амуръ. Амурскіе люди даже обижаются, что «россѣйскіе люди» берегутъ свой карманъ.

Бурлонъ.

Р. S. 4-го ноября, въ 12 часовъ ночи, черезъ Благовѣщенскъ пролетѣлъ съ юго-востока на северо-западъ очень яркій метеоръ. Послѣ него въ теченіи нѣсколькихъ секундъ оставался на небѣ слѣдъ. Публика въ это время возвращалась изъ театра и въ первый моментъ была поражена яркимъ голубовато-бѣлымъ свѣтомъ, напоминающимъ бенгальскій.

Поэтъ-сибирякъ И. В. Ведоровъ—Омулевскій.

(Биографическая замѣтка).

.....Съ этимъ покойникомъ, рано Живши покинувшимъ миръ, Мы не одинъ спиртовѣмъ,— Съ нимъ спиртовѣтъ весь миръ.....

26-го декабря 1893 г. исполнилось десять лѣтъ со дня смерти нашего дорогаго и талантливаго сибиряка писателя—поэта Инокентія Васильевича Ведорова—Омулевскаго. Тяжело и неприглядно сложилась жизнь его: вся она—одна непрерывная повседневная борьба изъ-за куска хлѣба, вся она—одно страданіе и горе.... Коренной сибирякъ по происхожденію, Инокентій Васильевичъ Ведоровъ родился въ 1836 году, въ Петропавловскомъ портѣ, въ Камчаткѣ, гдѣ отецъ его служилъ исправникомъ. Все раннее дѣтство мальчикъ провелъ на свободѣ. Въ 1842 году, съ переездомъ своего семейства въ Иркутскъ, будущій поэтъ поступилъ въ гимназію. Не смотря на хорошия способности, ему не удалось кончить курса: изъ 6-го класса онъ долженъ былъ выйти и поступить на государственную службу. Но не долго

служилъ онъ; его влекло туда, вдаль, въ тѣ мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, ключемъ была жизнь. Тамъ мечталъ онъ увидѣть свѣтъ и людей. Любовь къ литературѣ вообще и поэзіи въ особенности еще болѣе усиливала эту жажду. И вотъ онъ, бросая службу, почти безъ всякихъ средствъ перебрался въ Россію. Разочарованъ ему не пришлось: тамъ загоралась лучезарная заря эпохи «60 годовъ», на службѣ высшимъ идеямъ которой онъ надѣялся посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы... Пробывъ туда, онъ поступилъ вольно-слушателемъ въ петербургскій университетъ по юридическому факультету, но, пробывши тамъ не болѣе одного года, вышелъ и занялся литературою. На литературное поприще онъ вступилъ подъ псевдонимомъ Омудлевскаго, напечатавъ въ «Искрѣ» нѣсколько своихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній.

Затѣмъ началось сотрудничество въ «Современникѣ»,— «Вѣкѣ»,— «Русскомъ Словѣ» и др., а вмѣстѣ съ сотрудничествомъ и бездомное вытарство, такъ какъ литературный трудъ у насъ часто оплачивается не особенно щедро.

Нѣкоторое время ему пришлось даже служить чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ губернаторѣ. Наконецъ въ 1863 году, благодаря настоятельнымъ просьбамъ и требованіямъ отца, Инн. Вас. долженъ былъ воротиться въ Иркутскъ, но, проживъ въ немъ только два года, опять уѣхалъ въ Петербургъ. Теперь онъ явился туда не какъ новичекъ-литераторъ, а какъ писатель, имя котораго уже обратило на себя вниманіе публики. Особенно стало это ясно, когда въ «Дѣлѣ» за 1870 годъ появился обширный романъ его: «Шагъ за шагомъ», (изданный впоследствии отдѣльно подъ заглавіемъ: «Свѣтловъ»). Романъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе и скоро сталъ любимымъ книгой молодежи. Но первое отдѣльное изданіе все разошлось, второго же до сихъ поръ не было. Нѣтъ его и теперь. А жалъ: благодаря своей искренности, своему бодрому и смѣлому взгляду на жизнь, своей неизвѣстной вѣрѣ въ торжество свѣта и правды, онъ былъ-бы весьма кстатн.

Въ 1879 году, послѣ смерти отца, уже женатый, онъ вновь посѣщаетъ свою холостую, по дорожку, горячо имъ любимую родину. Невеселая картина ожидала его и тамъ: прѣхавъ въ Иркутскъ во время пожара, онъ повсюду встрѣчалъ одну безысходную нужду и страданія, бѣдность-же собственной семьи еще усиливала общее тяжелое впечатлѣніе. Слишкомъ впечатлительная натура Инн. Вас. не выдержала: дойдя до полного отчаянія—онъ заннлъ. Слѣдствіемъ этого была довольно продолжительная нервная болѣзнь, для излеченія которой ему пришлось понасть въ Кузнецовскую больницу. Выйдя изъ больницы и продавъ недвижимое имѣніе за 2000 руб., онъ вынулъ свою долю (500 р.) и кое-какъ съ болѣзней женой и груднымъ ребенкомъ снова переселился въ Петербургъ, на этотъ разъ уже навсегда. Здѣсь цѣлыя ночи приходилось ему просиживать за тяжелой работой, но, не смотря на это, скуднаго заработка не хватало на содержаніе семьи. Нужда была полна; часто случалось сидѣть безъ денегъ, безъ дровъ и безъ хлѣба. Появилось подозрительное кровохарканье..... Къ нездоровью присоединилась еще и чисто внѣшняя неприятность: стихотворенія его, изданныя брафомъ жены его—А. А. Ивановны, благодаря значительной дороговизнѣ, разошлись плохо.

Тяжело приходилось Иннокентію Васильевичу..... Наконецъ, 26-го декабря 1883 г. онъ умеръ отъ разрыва сердца, на 47 году жизни, оставивъ жену съ тремя малолѣтними дѣтьми не только безъ всякихъ средствъ, но еще съ долгомъ въ 90 рублей; имущества-же, описаннаго за этотъ долгъ, набралось всего на 6 рублей.

Жгучею болью отоваралась смерть Инн. Вас. въ сердцахъ его друзей и знакомыхъ, цѣпившихъ въ немъ, помимо таланта, еще и добраго—честнаго человѣка. Мать былъ кружокъ знакомыхъ (главнымъ образомъ сибиряковъ), собравшихся проводить тѣло на кладбище, но и онъ не смогъ помѣститься въ квартирѣ покойнаго, гдѣ-то въ мансардѣ 6-го этажа. Похороны его 29-го декабря, на Волковомъ кладбищѣ. Гробъ провожало нѣсколько сотоварищей покойнаго по литературѣ, какъ-то: Н. М. Ядринцевъ, Н. В. Шелгуновъ, А. К. Михайловъ, А. М. Скабичевскій, П. В. Засодимскій и др. На могилу было принесено нѣсколько вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ студентовъ, съ надписью «Омудлевскому», и отъ польскаго кружка (покойный былъ вѣстѣнъ полякамъ, какъ хорошій переводчикъ ихъ поэтовъ Мицкевича и Сырокомли). Тутъ-же была открыта сибиряками подписка на памятникъ покойному, и только 28-го мая 1892 года удалось осуществить это намѣреніе. Миръ праху твоему честный писатель и честный человѣкъ!.....

В. Л.

Е Л К А.

— Генеральша прѣхала! генеральша! вся заныхавшись, громкимъ шопотомъ проговорила горничная Ульяша, вбѣгая въ спальню кучихи Геронтьевой.

— Одна?

— Нѣтъ со смотрительшей.

— Бѣги, Ульяша, въ лавку, пускай самъ Спиридонъ Ивановичъ идетъ, приглаживая волосы и накидывая на плечи шаль, торопливо проговорила Степанида Семеновна, направляясь въ гостиную или, какъ говорилось въ Мутноводскѣ, въ залу.

Подойдя къ двери, Степанида Семеновна остановилась и, сама раздвинувъ портьеру, заглянула внутрь гостининой.

Тамъ, на диванѣ, съ важностью возсѣдала генеральша, Софья Кирилловна Сорокопутова, а возлѣ нея, на креслѣ, смотрительница благотворительнаго пріюта, Елена Ефимовна Ниточкина.

— Мое почтеніе, добро пожаловать, отившая низкій поклонъ еще возлѣ самой двери, проговорила Степанида Семеновна, подвигаясь къ дивану.

Генеральша слегка приподнялась со своего сидѣнія и милостиво протянула руку, затаянную въ коричневую перчатку, подошедшей кучихѣ Геронтьевой.

— Еленѣ Ефимовнѣ, гораздо смѣлѣе произнесла Степанида Семеновна, здороваясь со спутницей ея превосходительства. Какъ ваше драгоценное здоровье, какъ поживаете? продолжала она, обращаясь къ генеральшѣ и усаживаясь на кресло, стоявшее съ другой стороны стола. Сказывайте! Что новенькаго?

— Ничего, благодарю васъ, Степанида Семеновна, новенькаго, собственно говоря, ничего нѣтъ, а вотъ гдѣ-же это вашъ супругъ? намъ-бы его повидать нужно, отвѣтила, спросила и пояснила Софья Кирилловна.

— Известно, наше дѣло торговое, сами знаете, гдѣ-же ему быть, какъ не въ лавкѣ объ эту пору, я уже спосылала за нимъ... Да вотъ и онъ самъ, нѣсколько пространно отрапортовала хозяйка. Въ дверяхъ показалась рослая, красивая фигура не стараго мужичка, одѣтаго въ длиннополый черный сюртукъ.

— Вашему превосходительству наше нижайшее, кланяясь, проговорилъ вошедшій.

Пожавъ протянутую ему руку важной гостни, Спиридонъ Ивановичъ, молча, отвѣсилъ поклонъ ея спутницѣ и, заложивъ руки за спину, остановился передъ столомъ, за которымъ сидѣла генеральша Сорокопутова.

— Что вы стоите, Спиридонъ Ивановичъ? вы-бы присѣли, а то такъ неловко, любезно замѣтила Софья Кирилловна Геронтьеву.

— Ничего-съ, стоимъ, небольшой трудъ, мы привычны, ваше-ство.

— Милый Спиридонъ Ивановичъ, я къ вамъ съ просьбой, сладко зашла Софья Кирилловна,—скоро наступаетъ великій христіанскій праздникъ, Рождество Господа нашего, святки, всѣ мы будемъ веселиться, нашимъ дѣтямъ устроимъ елки... Вѣдь это, знаете, такое удовольствіе для малютокъ... Спиридонъ Ивановичъ почтительно склонилъ голову и придалъ своему лицу благочестивое выраженіе.

«И чего тынешь!» мысленно восклицала онъ въ то-же время.. «вѣдь знаю, за тѣмъ прикатила!»

— Да, продолжала томно генеральша,—но это будемъ веселиться мы, будутъ праздновать наши дѣти, и она сокрушенно наклонила голову на правый бокъ,—а бѣдняки нашего города не могутъ, не въ состояніи ничего подобнаго устроить для своихъ дѣтей!.. Малютки этихъ несчастливыхъ людей не будутъ имѣть праздника!

Степанида Семеновна съ прискорбіемъ зачала головой и громко высморкалась. Спиридонъ Ивановичъ переступилъ съ ноги на ногу.

— Такъ вотъ видите: мы съ Еленой Ефимовной затѣяли порадовать хоть тѣхъ ребѣтъ, которые обучаются у нея въ пріютѣ. Дѣтямъ всѣхъ бѣдныхъ, конечно, нѣтъ возможности устроить праздникъ, но если можно сдѣлать хоть немного добра, то не слѣдуетъ упускать случая.

— Точно такъ, справедливо позволите говорить, ваше-ство! почтительно замѣтила Геронтьева.

— Я знала, что вы сочувственно отнесетесь къ моей идѣе, Спиридонъ Ивановичъ; я не ошиблась! оживленно воскликнула Софья Кирилловна. Знаю ваше доброе сердце, я рѣшилась обратиться къ вамъ: пожертвуйте что нибудь для бѣдныхъ малютокъ на елку!

— Съ нашимъ удовольствіемъ, за счастье почитаю! съ облегченнымъ сердцемъ произнесъ Спиридонъ Ивановичъ, доставая изъ кармана бумажникъ и кладя передъ генеральшей извлеченную изъ него радужную ассигнацію.

— Благодарю васъ за бѣдныхъ малютокъ! пожимая руку Геронтьевой и забирая сто рублей, говорила всставшая съ дивана генеральша.

Смотрительница пріюта послѣдовала ей примѣру, и обѣ дамы, распростившись съ хозяевами, вышли изъ комнаты.

— И чего тянула? вѣдь зналъ сначала за чѣмъ прѣѣхала, уже вслухъ, обращаясь къ женѣ, проговорилъ Спиридонъ Ивановичъ, когда сани генеральши выѣзжали изъ воротъ его двора.

Еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ можно было рашечивать на доброе сердце или, лучше сказать, на добрый кошель, побывала Софья Кирилловна Сорокопутова вмѣстѣ съ смотрительницей пріюта, которая на собранную деньги должна была приготовить для дѣтей елку на первый день Рождества.

■ ■ ■

Очень рано, часовъ около 4-хъ утра, проснулся 8-милетній Сеня Куагинъ, помня хорошо, что сегодня Рождество, что сегодня онъ пойдетъ въ пріютъ на елку. Ожидаемое удовольствіе не давало ему покоя и ночью, которую онъ провелъ плохо, такъ какъ во снѣ ему грезилась во всевозможныхъ видахъ все также елка. И теперь, проснувшись, онъ сталъ припоминать послѣдній сонъ, отрывки котораго какъ-то сливались у него съ дѣйствительно пережитымъ года 2 тому назадъ. Тогда жилось лучше. У Сени всегда были крѣпкіе сапоги, а зимой онъ носилъ валенки. И шубка была теплая, большая. Теперь онъ выросъ изъ нея; а новой купить не на что. Если бы отецъ былъ живъ, непременно купили-бы новую. Валенки у него будутъ: смотрительница сказала, что на елкѣ онъ ихъ получитъ въ подарокъ. И съ словомъ елка въ воображеніи мальчика сразу нарисовалась цѣлая картина. Большая комната ихъ прежней квартиры ярко освѣщена сотнею огней весело горящихъ по всѣмъ вѣткамъ темной елки, стоящей по самой серединѣ. Нѣсколько ребятишекъ, знакомыхъ, товарищей Сени, тутъ-же возлѣ него. Сеня, какъ очарованный, глядитъ на увѣшанное разными сластями дерево, и всѣ дѣти въ восторгѣ начинаютъ прыгать вокругъ, не зная, съ чего начинать, когда получено разрѣшеніе срывать съ него, что хочешь. Эхъ хорошо было тогда... и мальчикъ предвкушаетъ удовольствіе отъ предстоящаго сегодня вечеромъ тамъ, въ пріютѣ.

— Мама, мамочка! сначала тихонько, а потомъ все громче и громче начинаетъ Сеня будить мать.

— Чего—тебѣ? пробудившись спрашиваетъ она.

— Пора, мамочка, вставать, какъ-бы не опоздать на елку, вѣдь тебѣ еще много дѣла есть.

— Сня, Сеня, спи родной! Рано еще, еще успеешь, не бойся, не опоздаешь. Не буди меня, я вѣдь очень поздно легла вчера.

Мальчикъ замолкаетъ, но долго не можетъ заснуть, раздумывая вновь и вновь о предстоящей радости. Но первое возбужденіе, достигнувъ высшей степени, начинаетъ слабѣть, усталость беретъ свое, и ребенокъ засыпаетъ.

Вторичное пробужденіе приводитъ Сению въ неописанный ужасъ. Въ комнатѣ нѣтъ никого, мать давно уже встала и куда-то вышла. Несомнѣнно, что онъ проснулся. Въ этомъ его болѣе всего убѣждаетъ отсутствіе на столѣ самовара, а это значитъ, что чай давно, давно уже отпихъ и, стало быть,—уже очень поздно.

Мальчикъ быстро срывается съ постели, поспѣшно одѣвается и хочетъ бѣжать. Вошедшая мать успокаиваетъ до нѣкоторой степени взволнованнаго мальчугана, но не надолго, такъ какъ до вечера еще далеко.

Наконецъ, на каланчѣ пробило 5 часовъ и Сеня начинаетъ одѣваться.

Мать тщательно расчесала ему головку, выправила воротничекъ чисто вымытой рубашечки, крѣпко переюсала коротенькую шубейку, перекрестила сына и отпустила въ пріютъ.

Оставшись одна, бѣдная женщина усѣлась въ уголокъ возлѣ печки и задумалась.

— «Наконецъ, слава Богу, у ея мальчика будутъ хоть теплые валенки, а то сердце изболѣлось, глядя на него, когда изыябій онъ возвращается зимой въ своихъ рваныхъ санюжкахъ. Разувшись, долго отшаривается онъ своими покраснѣвшими, какъ гусинныя лапки, босыми ноженками, пока не согреется. А купить ему крѣпкую, теплую обувь—не на что.

И радости, радости сколько сегодня будетъ у ея мальчика. «Дай Господи здороваго генеральши, Софьи Кирилловны!» молится въ душѣ мать за инициаторку добраго дѣла для бѣдныхъ ребятишекъ. Вѣдь сегодняшняя елка будетъ однимъ изъ свѣтлыхъ воспоминаній дѣтства у многихъ и многихъ бѣдяковъ. Можетъ быть это воспоминаніе впоследствии изгладитъ или, по крайней мѣрѣ, ослабитъ не

разъ горечь, такъ часто возникающую въ душѣ бѣдняка, когда онъ приздумается надъ своимъ положеніемъ.

■ ■ ■

Сеня чуть не въ припрыжку бѣжалъ вдоль темной улицы, торопясь поскорѣ попасть въ пріютъ и боясь опоздать къ началу елки. Запылавшись воплемъ онъ въ переднюю и поспѣшно сталъ раздѣваться; нѣсколько человѣкъ ребятишекъ, ранѣе его пришедшихъ, были тутъ-же.

— А въ классную развѣ не пускаютъ? освѣдомился у нихъ Сеня.

— Итъ, пока всѣ не соберемся, не пустятъ; учительница Оля Викторовна сказывала.

Открывшаяся дверь впустила еще двухъ мальчиковъ и одну дѣвочку, тутъ же расположившихся; дѣти прибывали по два, по три, по одному. Иногда, вмѣсто пріютскихъ дѣтей въ передней появлялись приглашенные на елку почетные гости со своими чадами, которые не оставались здѣсь, а проходили непосредственно въ внутренніи комнаты.

Толпившіяся въ передней дѣти уже нѣсколько разъ пересчитывали себя и убѣждались, что они всѣ въ сборѣ, а дверь въ завѣтную классную все еще не открывалась, такъ какъ ожидали генеральское семейство, долженствовавшее почтить своимъ присутствіемъ благотворительную пріютскую елку.

Черезъ нѣкоторое время въ переднюю со двора, вмѣсто ожидаемыхъ особъ, вошла два человѣка въ крестьянскихъ зиннухахъ. Это были два богаче прігороднаго села, съ которыхъ генеральша взяла ранѣе лепту на доброе дѣло. Ею-же они были приглашены на дѣтскую радость, обусловленную отчасти ихъ пожертвованіемъ.

— Вы почто-же это, ребятишки, тутъ собрались? обратился одинъ изъ мужиковъ къ толпящимся дѣтямъ. Развѣ елку эту самую вамъ еще не показали?

— Ребята молча захихикали, прижимаясь въ одинъ уголокъ.

— Генерала еще нѣтъ, отвѣтилъ кто-то изъ ребятъ побойчѣ.

— Да лешто это ему елку-то дѣлаютъ? пренаивно освѣдомился другой.

Въ это время за дверьми послышался шумъ быстро подѣхавшаго экипажа и въ передней въ густыхъ клубахъ холоднаго морознаго пара появился генералъ Сорокопутовъ со своимъ семействомъ. Первый мужикъ поспѣшно кинулся помогать его прѣстпу снимать теплую шубу; выбѣжавшая изъ внутреннихъ комнатъ горничная бережно снимала съ Софьи Кирилловны ея соболы, а сама смотрительница, присѣвъ на корточки, освобождала отъ одежды сильно закутанныхъ генеральскихъ дочекъ. Учительница открыла торопливо дверь въ классную комнату, стараясь поскорѣ втолкнуть туда всю гурьбу ребятишекъ. Приставленные къ стѣнамъ столы и скамейки дѣлали классную довольно просторной. По самой серединѣ ея красовалась высокая елка, увѣшанная небольшими ситцевыми мѣшечками краснаго, синяго, бѣлаго, желтаго и зеленого цвѣтовъ; между ними, въ разныхъ мѣстахъ, рѣзко выдѣлялись красивыя бомбоньерки и золоченыя орѣхи; сотни восковыхъ свѣчекъ заливали яркимъ свѣтомъ темную зелень еловой хвои и разноцвѣтные предметы, ятящиеся между ней.

Втолкнутая дѣти какъ-то оторопѣло усталились на блистающее дерево, не рѣшаясь сдвинуться съ мѣста.

— Смирно, становитесь въ въ два ряда: мальчики по эту, а дѣвочки по ту сторону! командовала втолкнувшая сюда ребятъ учительница.

Дѣти по-солдатски выстроились въ двѣ шеренги и молча, съ разинутыми ртами стали глядѣть на горящіе свѣчи, золотые орѣхи, бомбоньерки и цвѣтные, ситцевые мѣшечки. Вгиснувшіеся вмѣстѣ съ гурьбою дѣтей мужички благотворители остановились неподалеку отъ двери, ведущей въ помѣщеніе смотрительницы; въ отдаленномъ углу, за однимъ изъ классныхъ столовъ размѣстилось 5 человѣкъ жидковъ мѣтнаго оркестра.

— Начинайте! командовала учительница, махнувъ ручкой въ ихъ сторону, и музыканты грянули севастопольскій маршъ.

Въ распахнувшейся двери появился генералъ, сопровождаемый смотрительницей пріюта.

— Charmant, charmant! Tres joli, Елена Ефимовна! промолвилъ генералъ, вступая въ классную.

Ребятишки перевели взглядъ съ елки на входящихъ особъ.

Мужички учашено начали кланяться въ поясъ. Генералъ Сорокопутовъ величественно наклонилъ голову въ ихъ сторону и снисхо-

дительно протянуть каждому из них руку, отъ этого они пришли въ умиленіе до такой степени, что, когда вошедшая за Софьей Кирилловной съ ея двумя дѣвочками жена мѣстнаго акцизнаго, оправляла трѣть своего платья, махнула какъ-то въ ихъ сторону рукой, они кинулись къ ней и облобызали эту руку.

Удостоившіи своимъ присутствіемъ пріютскую елку мугноводскій beau-monde размѣщались между тѣмъ на одной изъ классическихъ скамеекъ, а пріютскія дѣти оторопѣло стояли на одномъ мѣстѣ, боясь пошевелиться.

Бончившіе маршъ музыканты смолкли, и повидимому вся публика почувствовала себя нѣсколько глудо.

Глядя на бѣдныхъ пріютекихъ ребятиншекъ, пришедшихъ сюда повеселиться и теперь, благодаря присутствію господъ, стоящихъ вытянутыми въ струнку, какъ-то больно сжималось сердце.

Движимая чувствомъ состраданія жена мѣстнаго врача, наконецъ, не выдержала и, отдѣлившись отъ аристократической скамейки, рѣшительно подошла къ дѣтямъ.

— Беритесь-ка дѣти за руки, давайте хороводъ составимъ! обратилась она къ недоумѣвающимъ ребятинкамъ. Играйте! сказала она утробно музыкантовъ.

Выведенные изъ оцѣнѣнія дѣти живо взялись за руки и образовали большой кругъ около торжественно стоящаго посреди комнаты дѣрвца.

— Въ эту сторону, дѣтки! воскликнула докторша, и повеселѣвшія дѣти, съ радостно засіявшими глазенками, запрыгали вокругъ елки подъ предводительствомъ сердобольной барыни.

Дѣвочки генеральши, зарывшись начавшимъ проявляться дѣтскимъ веселіемъ, незамѣтно покинули мамашу и вмѣшались въ пляшущую дѣбу. Но нѣсколько зазѣвываясь Софья Кирилловна во время спохватилась и извлекала изъ круга своихъ птенцовъ.

— Ну, будетъ, дѣти, прыгать: я устала! обратилась докторша къ ребятамъ, останавливая движущійся кругъ.

Музыканты смолкли, и дѣти остановились, растерянно поглядывая другъ на друга.

— А вы теперь поиграйте, поиграйте, дѣтки! опять занялась дѣтскими сердобольная барыня. Мальчики, вы садитесь, садитесь!

Мальчики, покорно исполняя приказаніе барыни, молча усѣлись рядомъ на полу.

— Ты хлопни его, хлопни! пытаюсь организовать какую-то игру, вновь заговорила барыня,—а ты хлопни его! Ахъ, comment s'arpeille ce jeu? J'ai tout—affair oubliée, обратилась она безпомощно въ сторону аристократической скамейки.

Но отсюда не послѣдовало никакого отвѣта, и смѣшавшаяся докторша, покинувъ протележурныхъ ея ребятъ, присоединилась къ мугноводскому beau monde'у.

Наступила тягостная пауза, которую рѣшила наконецъ нарушить сообразительная Елена Ефимовна.

— Прикажете раздать имъ подарки, Василій Алексѣевичъ? обратилась она къ генералу.

— Что-же, можно! отрывисто замѣтилъ спрошенный.

— О, да, о, да: надо довести до конца великую радость этихъ милыхъ малютокъ подхватила Софья Кирилловна.

Начальница шепнула что-то учительницѣ, обѣ подошли къ елкѣ и начали снимать съ нея красные, бѣлые и синіе мѣшечки, которыми стали одѣвать пріютекихъ дѣтей. За мѣшечками послѣдовали 10 паръ валенокъ, три теплыя шапки и четыре нанковыя сѣрыя рубашенки.

Сеня Кулигинъ, обувшись тутъ-же въ новые валенки, запустилъ ручку въ полученный имъ красный мѣшечекъ и извлекъ отсюда 2 орѣха, одну миндальну и три народныя карамельки; такъ какъ въ пріютѣ наблюдалось равенство, то каждый изъ дѣтей получилъ не меньше.

Такъ отразовали ребятинки благотворительную елку въ городѣ Мугноводскѣ въ первый день Рождества.

В. С. Иллчѣ.

Сибирскіе зигзаги.

На этотъ разъ обратимся къ акту томскаго университета по отчету томской газеты. Съ прошлаго столѣтія еще русскіе люди мечтали объ умственномъ центрѣ въ Сибири. Въ нынѣшнемъ, въ послѣднее время, потребность въ немъ стала заявлять себя настоятель-

нѣе. Къ выросшему въ тайгѣ золотоискателю является его знакомый и говоритъ, хорошо-бы вамъ, Захарій Михайловичъ, сдѣлать крупное пожертвованіе на университетъ! Что называете вы крупнымъ пожертвованіемъ?

— Ну, тысячь пятьдесятъ—говоритъ знакомый.

— Итъ, это не крупное пожертвованіе на такое дѣло—тыс. сто—это такъ,—отвѣчаетъ тѣсный миллионеръ и жертвуетъ. На что ужъ такъ нуженъ былъ Сибири университетъ? Развѣ нельзя было создать стипендій и пособій на деньги, пожертвованныя на него, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, развѣ неизвестно было, что на дѣлѣй университетъ не наберется слушателей въ предѣлахъ Сибири? Все это было извѣстно, но тайга и степь Бараба чувствовали потребность въ благоустроивающемъ вліяніи умственного, учебнаго и ученаго центра. Общество разсчитывало, что университетъ подниметъ его надъ уровнемъ мелкихъ, обиденныхъ интересовъ, что это будетъ свѣтильничекъ на горѣ, примѣръ. И тѣ, которые не звали благъ высшаго образованія, рассчитывали погрѣбъсь, заимствовать теплою и свѣтлою отъ этого очага, выдѣть въ немъ образецъ дружной и мирной семьи, согласно работающей надъ поднятіемъ уровня общества. Работаетъ новый университетъ, почетными трудами успѣлъ ужъ онъ заявить себя, къ его содѣйствію обращаются правительственные учрежденія столицы, и университетъ съ честью выполняетъ ихъ. Студенты, по стопамъ товарищей старшихъ университетовъ, энергично откликнулись на грозившую опасность народному здоровью. Все прекрасно, кажется, но одно нехорошо и это одно много портитъ дѣло! Читаете труды новой almae matris и видите работу, дѣятельность Петра, Ивана, Федора, а не дѣлаго университета; солнцы все, а концерта итъ. Въ прошломъ году мы съ удиркомъ отнеслись къ одному ученому изданію, которое съ высоты своего величія заявило, что томскій университетъ накутилъ мирной работой и началъ утравивать себя бури въ стаканѣ воды. Мы тогда сказали, что положеніе новыхъ работяковъ на нивѣ крайне трудное, одинокое, и потребность дружной работы по общему плану заставляетъ лучшихъ дѣлателей дѣлать немощныя усилія для достиженія единодушія, что разныя періоды жизни новаго учрежденія заслуживаютъ серьезнаго вниманія, но не отношенія съ кондачка, что часто горячая любовь къ дѣлу доводитъ до горячаго объѣма мыслей, а исканіе тѣснаго сближенія наталкивается на диссонансы. Много людей живутъ мирно, прилично, дружно до тѣхъ поръ, пока судьба не сведетъ ихъ на одномъ близкомъ дѣлѣ. Тутъ пойдетъ рѣчь о подробностяхъ, въ которыхъ труднѣе сойтись, чѣмъ въ общемъ. Мы думали и думаемъ, что со временемъ все уладится, но очень неудобное впечатлѣніе произвело новѣйшее извѣстіе: изъ актованаго отчета видимъ мы, каковы входы поства, что таятся въ стѣнахъ аудиторій, какія будущія силы тамъ растутъ. Мы не знаемъ причины неудачъ, не знаемъ, вѣшнія онили внутреннія, мы только утѣшаемъ себя надеждой, что онѣ вѣроятно случайная какія-нибудь и въ будущемъ легко будутъ устранены, какъ устранялись и болѣе серьезныя препятствія, препятствія, стоявшія на пути открытія университета. Мы знаемъ эти препятствія, и помнимъ ихъ. «Востокъ. Обозрѣніе» по мѣрѣ силъ трудилось во имидей открытія томскаго университета еще въ ту пору, когда большинство его ученаго состава твердило «много есть именъ на іс». Мы знаемъ, что въ дѣлѣ открытія университета много потрудился тотъ, кто теперь стоитъ во главѣ западно-сибирскаго учебнаго округа.

Эта заслуга зачтена за нимъ и зачтена уже! Онъ теперь сталъ исторической личностью. Завидная и высокая доля, достоящая не многимъ. Могутъ быть и бывають въ исторіи учрежденій такіе моменты, которыми никто не интересуется. Это періоды сѣренькаго, обиденнаго существованія, время ежедневной рутинной ямки; но зато есть періоды, на которыхъ обязательно сосредоточивается вниманіе и потомства, и современниковъ. Къ такимъ принадлежать по необходимости эпохи возникновенія новыхъ учрежденій, все равно, будетъ-ли это время великаго преусиленія или застоя, единодушія или мелочныхъ дрязгъ. Потомство ищетъ въ этихъ періодахъ объясненія исторіи учрежденія и, спокойное, безпристрастное, кладетъ свою въковѣчную оцѣнку дѣятельности руководителей, опредѣляетъ, были-ли здѣсь действительно историческія лица, стоявшія на высотѣ своего призванія или щепы, выкинутыя широкой волной на вершину утеса. Современники смотрять на дѣло нервно, полные опасеній за будущее; каждая мелочь, каждый шагъ въ жизни новаго учрежденія—зародышъ, изъ котораго развивается будущее, здѣсь кладется начало преданіямъ учрежденія, здѣсь видно, слѣдуетъ-ли оно по пути своихъ старшихъ собратій, или уклоняется отъ нихъ. А жизнь

университетовъ имѣть полутысячелѣтнія преданія на западѣ и въковыя на нашей родинѣ. Завидна и высока роль пераго руководителя новаго томскаго университета. Завидна, но и ответственна, каждый шагъ его влечетъ за собою послѣдствія въ будущемъ и такіа, которыхъ теперь и предвидѣть нельзя. Вотъ почему мы, хроникеры, считаемъ нашею обязанностью отмѣчать всякое новое явленіе въ жизни университета, какъ свѣтлое, такъ и темное, какъ ясное и понятное, такъ и такое, обликъ котораго пока является для насъ въ смутныхъ чертахъ. Вотъ почему постоянно привлекаетъ наше вниманіе дѣятельность ответственного руководителя его, попечителя округа; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивы его дѣйствій и не ясны для насъ, мы считаемъ обязательнымъ самые факты заносить въ лѣтопись, какъ крупныя такъ и мелкія, и останавливать на нихъ вниманіе читателей.

Закапчивая вопросъ о томскомъ университетѣ, необходимо сказать слова два про домо sua. Должно быть въ Сибири появился знаменитый «проницательный читатель». Корреспондентъ нашъ, описывая послѣднія событія въ университетѣ, выразился такъ: «пора университету выйти изъ періода младенчества». Для умѣющаго читать, кажется, вполнѣ ясно, что хотѣлъ сказать пишущій; но не то для проницательнаго читателя, особенно ежели онъ одержимъ либеральнымъ зудомъ, да у него расстроены нервы,—у такого читателя расстройство нервовъ всегда выражается неудержимой потребностью ругаться, и вотъ онъ точь-въ-точь по прочтеніи принялся клянитися, ругаться и слать устные и намаранныя на бумагѣ реприманды, преподнесенныя руганью за то, что нашъ корреспондентъ, въ угоду кому-то, обрушился на университетскую молодежь Томска, обвиняетъ ее въ томъ-то и томъ-то. «Восточное Обозрѣніе» никогда не обрушивалось на тѣхъ, кто не имѣетъ средствъ защищаться; но проницательному какое дѣло до того, что такое представляетъ газета, что говорятъ имена ея редакторъ и издатель. Онъ раздраженъ, ему не по себѣ, онъ не понялъ смысла написаннаго—значитъ, другіе виноваты. Постараемся мы понять его. Онъ читалъ, что студенты въ разныхъ органахъ и въ нѣкоторыхъ кружкахъ называютъ сорванцами, мальчишками и т. д. Показало въ корреспонденціи слово «младенчество», и ему этого достаточно. Гдѣ ему думать о томъ, къ кому и къ чему долженъ относиться этотъ эпитетъ. Образовалась ассоціація идей: мальчишки и младенчество и довольно, значитъ, «В. Обозрѣніе» называетъ младенцами студентовъ и винить ихъ во всемъ и ругаетъ,—дальше проницательный мыслить не въ состояніи: у него расстроены нервы, онъ вошелъ въ трансъ, благородное негодованіе одолѣло, надобно стало бить ругаться. Гдѣ ему разбирать да сомнѣваться, такъ-ли моль это?

Бывали-же вѣдь у насъ благородные люди съ порывами такого-же благороднаго негодованія, которые, какъ говорилъ старикъ Денисъ Давыдовъ:

Старога Гаврилу

За изматое жабо

Били въ усъ да въ рыло.

«Восточное Обозрѣніе» даже и жабо ничего не измало, но все-таки ругаются, такъ ужъ «проницательный».

Бросимъ вопросъ объ отношеніяхъ газеты къ подростающему поколѣнію и посмотримъ на самую логику обвинителей. «В. Обозрѣніе» никого не обвинило, такъ какъ дѣло не достаточно извѣстно; но желаетъ, чтобы новое учрежденіе росло, крѣпло, мужало, становилось серьезнѣе, усвоило себѣ лучшія преданія старшихъ братьевъ—кажется, дозволиительно. Каждое новое учрежденіе имѣетъ свой ростъ, свои періоды развитія. Говоря о нихъ, въ фигуральномъ смыслѣ, всегда возможно употребить выраженіе періодъ младенчества, т. е. такой періодъ, когда оно не вполнѣ развилось, когда въ немъ не установились еще взаимныя отношенія дѣятелей, когда не сложилось извѣстныхъ твердо установившихся обычаевъ и преданій. Въ этомъ періодѣ жизни учрежденія встрѣчаются обыкновенно цѣлые ряды трудностей для тѣхъ лицъ, которымъ оно ввѣрено; но если у такого учрежденія есть свой ростъ, свои періоды младенчества, отрочества, возмужалости, то какъ могутъ относиться къ такому текущему и переменному элементу, какъ учащіеся? Они всегда и во вѣки вѣкомъ будутъ приходиться къ alma mater на порогѣ отъ юности къ возмужалости. Получивъ запасъ знаний, они выйдутъ на практическое поле, жизнь размететъ ихъ въ дальніе концы, и тогда-то къ каждому изъ нихъ обратится жизнь съ своими требованіями: ты прошелъ высшую школу, прилагай свои знанія къ дѣлу народнаго блага. Тогда онъ становится ответственнымъ лицомъ за дѣло. А студенты! Да развѣ

онъ призванъ руководить жизнью университета, вмѣшиваться въ его распорядки? Такое вмѣшательство называется нарушеніемъ дисциплины.

Студентъ—не руководитель, а руководимый. Мы часто видимъ, что студенты толпятся въ аудиторіи одного профессора, являются въ его квартиру, несутъ къ нему все свои горести и радости, свои сомнѣнія и надежды; другого тѣ-же самые студенты видятъ только на лекціи. Кто-же устанавливаетъ такую рааницу въ отношеніяхъ, студенты, что-ли? Одинъ профессоръ смотритъ на себя не только, какъ на учителя, но и какъ на воспитателя, у него общительный характеръ, онъ умѣетъ понимать молодежь, къ нему она и льнетъ. Другой и радъ-бы, да онъ вообще человекъ кабинетный, онъ и съ товарищами-то сходится трудно, онъ знаетъ, что міросозерцаніе молодежи ему понять трудно и не берется не за свое дѣло; третій—изъ принципа держится на отдаленномъ разстояніи отъ студента. Пусть моль развиваются сами, люди уже взрослые, давление и вліяніе старшаго только помѣшаетъ самостоятельному мышленію. Словомъ, есть много мотивовъ, заставляющихъ одного держать себя такъ, другого иначе; но кто-же, кромѣ проницательнаго читателя, не знаетъ, какъ устанавливаются житейскія отношенія? Старшіе или младшіе задаютъ тонъ? Одинъ начальникъ вѣдъ службы превращается въ радушнаго хозяина для подчиненныхъ, дѣлать съ нимъ хлѣбъ-соль, подчиненные охотно идутъ на его приглашеніи, потому что чувствуютъ себя у него просто и ловко. Другой остоится начальникомъ и въ частной жизни и довольствуется только обществомъ равныхъ себѣ. Кажется, это такъ просто.

Не было и повода—и слава Богу, что не было—нашему корреспонденту говорить о студентахъ, какъ о чемъ-то активномъ. Итъ повода говорить и намъ. Активная роль студентовъ чаще всего выражается въ такъ называемыхъ «студенческихъ исторіяхъ», но ихъ не было въ томскомъ университетѣ и желательнѣе, чтобы не было ихъ и въ будущемъ. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что ни по корреспонденціямъ, ни по письмамъ, ни по слухамъ въ новомъ университетѣ никакихъ признаковъ «студенческой исторіи» не усматривается.

Въ сотый разъ, во избѣжаніе всякихъ кривоколкувъ, повторимъ: мы желаемъ новому университету, чтобы онъ шелъ той-же дорогой, какъ и другіе, и сдѣлалъ-бы столько для страны и для всей Россіи, сколько сдѣлали его старшіе братья. Выражаемъ мы только пожеланіе; но мы очень хорошо знаемъ, что предъявлять къ нему какія-либо требованія невозможно, знаемъ, что жизнь въ немъ не можетъ идти—ни внутренняя, ни внѣшняя—такъ гладко и такъ плавно, какъ въ старыхъ. Тамъ старый студентъ зачастую сидитъ на кафедрѣ въ той самой аудиторіи, гдѣ онъ сидѣлъ на скамейкѣ, тамъ близость Европы и легкость взаимнаго общенія, тамъ и общество привыкло къ университетамъ, а у насъ, съ одной стороны, готовы чуть не на колѣни становиться передъ всякими причастнымъ къ университету, съ другой готовы и накинуться на него. Нельзя забывать, что въ сущности у насъ еще итъ университета, а одинъ только медицинскій факультетъ его; недостатокъ многихъ специалитетовъ, неполнота научныхъ силъ ставятъ новое учрежденіе въ исключительное и невыгодное положеніе.

Упрековъ по адресу Томска не въ правѣ дѣлать Иркутскъ. Томскъ и безъ университета, и безъ огромныхъ иркутскихъ благотворительныхъ капиталовъ жилъ общественной жизнью. На гроши создалъ онъ общество попененія о начальномъ образованіи и цѣлую массу школъ, чутко относился онъ къ явленіямъ литературы и жизни, знаменательнымъ для нашего отечества, чего мы про Иркутскъ не имѣемъ права сказать.

Испоняется десятилѣтіе со дня смерти Тургенева. Отмѣтятъ-ли Иркутскъ чѣмъ-нибудь это событіе? Принеситъ телеграфъ вѣсть о смерти Плещеева. Поэтъ это не переклассный; но между живыми такого итъ, развѣ его-же сверстникъ Алексѣй Жемчужниковъ. Одинъ старикъ умеръ, другой еще пока живъ; но оба они были моложе молодыхъ. Въ Плещеевѣ, не смотря на тихую грусть, на жалобу объ утраченныхъ силахъ, больше «духа бодра», чѣмъ въ молодыхъ pessimистахъ декантатахъ и другихъ, именъ коихъ не знаемъ до и не будемъ знать. Старикъ грустилъ объ утратѣ личныхъ силъ, но не вѣры въ правду, добро и красоту. Былъ недавно юбилей Д. В. Григоровича.

Все эти три писателя отличаются глубоко-образовательнымъ значеніемъ. Все они зовутъ «подъ знамя науки» и сами всегда стояли подъ нимъ. Они не брали на себя мистической роли пророка, не

пускались въ гаданія, пережили они много, но разъ посѣщало ихъ горькое сознаніе утраты силъ, но никогда идеаловъ правды и справедливости. До всего этого Иркутску пѣтъ дѣла! Есть у насъ общество любителей музыки и литературы; по оно, очевидно, любить ихъ платоничека. Память Петра Пальца Чайковского не была почтена даже панихидой. Положимъ, Чайковский, Пяцеевъ, Тургеневъ не Кельхъ, не Сиверсъ, но все-таки это люди, которыхъ многіе даже очень одобряютъ. Сочиненія перваго штудируются въ музыкальныхъ школахъ, послѣднихъ двухъ — значаея во всѣхъ хрестоматіяхъ. Скороже иркутскій интеллигентъ усвоилъ себѣ приемы и привычки Ивана Непомилчаго. Онъ знаетъ только тѣхъ благодѣтелей, которые ему, а именно онъ, подали кофеечку. Что намъ до Тургенева и Григорьевича, что намъ до того, что это были люди, которые учили, какъ надо писать по-русски. Мы писать неохотили, — надобно подать искую — такъ на то абзацы есть. О Тургеневѣ, о Пяцеевѣ хоть говорили кое-что, по есть имена, которыхъ кое-кому обязательно должны быть извѣстны, а объ ихъ и рѣчей пѣтъ. Исполнилось 300 лѣтъ со дня смерти великаго педагога, славяннина Амоса Коменискаго; одна его книга, Великая дидактика, уже давно переведена на русскій языкъ. Сотни брошюръ, книгъ, рѣчей, — начиная отъ нашихъ столицъ и оканчивая заокеанскою Америкой, посвящены памяти нашего соотечественника. Мы же, должно-быть, когда-то слышали о немъ въ курсахъ исторіи воспитанія, а потомъ сдали въ архивъ. Говорить-ли о столѣтнемъ юбилеѣ Николая Ивановича Лобачевского? Было-бы смѣшно послѣ всего вышесказаннаго. Пускай разные Гельмгольцы да Эрмитаи и Вейерштрассы собираютъ деньги на капиталъ имени Лобачевского, а мы, признаться, и не слышали про него. Такъ какъ мы — непоминицею родства, а можетъ даже и не признающаго его, то намъ о всѣхъ этихъ именахъ и толковать нечего. Съ какою наивнымъ негодованіемъ нагнулась вся пресса русская и заграничная на одного гласнаго петербургскаго думскаго, который заявлялъ: что молъ за Тургеневъ такой, стоить-ли устраивать почести въ память его, вотъ кабы торговый человекъ — другое дѣло. У насъ весь городъ такой. Я былъ-бы даже доволенъ такимъ отношеніемъ Иркутска. Пѣтъ связей у него съ перечисленными выше именами, ни низого не говорятъ ему. Иркутску некогда заниматься такими пустяками, — ну и отлично! Онъ прославля образованнымъ городомъ съ умственными интересами, притворился интеллигентнымъ. Ему надобно это притворство и баста, но въ Иркутскѣ не состоитъ изъ однихъ пишущихъ бумаги, ходящихъ по судамъ, муштрующихъ, торгующихъ и т. д. Среди его населенія есть часть, надъ которой онъ муштруетъ и изощряется, — это подростокъ поколѣнія. На счетъ его позволительно думать и желать, что-бы въ нашей полубурятской, полубродяжеской сторонкѣ ему какъ можно почаще давали возможность веноминать свое духовное родство съ дѣятелями русской да и славянскою и европейскою мысли, научить его почитать и помнить, что нѣкоторымъ людямъ подобаея честь, что эти люди жили и работали не для чего другаго, какъ для того, чтобы оставить по себѣ память въ потомствѣ...

По привычкѣ неисправимый резонеръ принялъ проповѣдовать въ пустынѣ; но это занятіе скучное для него самого и безплодное для читателя. Давайте, я лучше раскажу подъ конецъ побасенку вамъ, господа!

Жилъ былъ на свѣтѣ торговецъ Сегельманъ и похвалъ онъ черезъ Байкалъ, на пароходѣ «Платонъ».

Байкалъ, какъ извѣстно, много лѣтъ уже тщетно старается вразумить кяхтинское пароходное общество, что его пароходы плохи до нельзя; но, такъ какъ, при страхованіи жизни общества страховые еще не ставятъ условія не вѣдѣть на кяхтинскихъ пароходахъ, то на это хозяева пароходовъ и не обращаютъ вниманія. Байкалъ и въ этотъ разъ забубевалъ, и такъ какъ ни тарантасъ Сегельмана, въ которомъ онъ мирно спалъ во время бури, ни самъ Сегельманъ привязаны не были, то оба попали въ Байкалъ, подобно тому, какъ попали туда еще ранѣе нѣсколько человекъ рабочихъ. Объ этомъ пошло дѣло, заскрипѣли перья адвокатовъ и прокуроровъ, задумался самъ Павелъ Ивановичъ Звонниковъ. Обыватели ожидали, скоро-ли, наконецъ, гг. хозяева пароходства заставятъ относиться по внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ, и пароходное общество признано было виновнымъ въ непріятіи подлежащихъ мѣрѣ предосторожности, слѣдствіемъ чего была смерть одного изъ пассажировъ; но Павелъ Ивановичъ этимъ не удовлетворился. Павелъ Ивановичъ Звонниковъ попытался продать мертвую душу Сегельмана

тысячъ этакъ за 50. И затѣялъ дѣло. «Мертвыя души», какъ извѣстно, остались недоконченными, и потому не пришла-ли въ голову нашему Павлу Ивановичу мысль, что его дѣльце вызоветъ новую поэму: похождение Павла Ивановича не покупающаго, а продающаго мертвыя души? Самъ-ли онъ дошелъ, честолюбивъмъ влекомый, до мысли получить денежки за душу Сегельмана, или наследники Сегельмана надумали его на сей подвигъ, это, Богъ дастъ, выяснится когда-нибудь. Логика Павла Ивановича въ этомъ дѣлѣ проста, внушительна и авторитетна. Сегельманъ велъ торговлю на 200,000; получалъ — (Павелъ Ивановичъ искусно замѣняетъ слово «получалъ» словомъ «зарабатывалъ») 10,000 рублей въ годъ. Изъ нихъ, по внутреннему убѣжденію Павла Ивановича, 5,000 были $\frac{1}{2}$ на капиталъ, а 5,000 другихъ господинъ Сегельманъ зарабатывалъ своимъ трудомъ, а потому, капитализируя «заработокъ» Сегельмана изъ десятикратной сложности, нашъ юристъ (кажется, еще присяжный повѣренный) предъявляетъ къ пароходству искъ на 50,000 рублей. Скажите, пожалуйста, — развѣ это не продажа мертвыхъ душъ и не болѣе выгодная операція, нежели покупка душъ Чичиковымъ? Господинъ Сегельманъ на службѣ не состоялъ, — онъ былъ компаньономъ въ торговомъ предпріятіи, жалованья не получалъ, а получалъ дивидендъ, какъ участникъ. Со смертью его предпріятіе не разстроилось, жена и наследники въ полномъ и безспорномъ обладаніи оставшимся капиталомъ. За что-же взыскъ? За душу Сегельмана. Законъ опредѣляетъ вознагражденіе семьи и наследникамъ въ томъ случаѣ, когда глава ихъ или кормилецъ погибаетъ, благодаря небрежности или злому умыслу какаго-либо лица или учрежденія; вознагражденіе выдается, смотря по общественному положенію или заработку погибшаго или даже потерѣвшему убытокъ; но я не слышалъ, чтобы не только наемъ, но какое-нибудь на свѣтѣ законодательство доускало торговлю хотя-бы живымъ или умершимъ родственникомъ, ради выгоды. Умеръ насильственной смертью Сегельманъ, имѣвшій 60,000 капитала, ведшій торговлю въ компаніи на 200,000, получавшій въ годъ 10,000 и, пользуется этимъ случаемъ, повѣренный наследниковъ проситъ увеличить капиталъ ихъ на 50,000. Счастливо еще кяхтинское пароходство, что оно пошло въ руки г. Звонникова по поводу смерти Сегельмана, а случись такой казусъ, скажемъ, хоть съ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ богатой золотой компаніи, гдѣ участники по терминологіи нашего юриста, «зарабатываютъ» въ годъ сто — двѣсти тысячъ, тогда его наследники или адвокатъ ихъ должны были бы потребовать за душу погибшаго ни мало ни много 500,000, а то и цѣлый миліонъ! Изъ отчета о судебномъ засѣданіи читатель знаетъ, что судъ, какъ я слѣдовало ожидать, отказалъ въ искѣ г. Звонникову; но мы не можемъ не коснуться одного обстоятельства, имѣющаго мѣсто на судѣ. Повѣренный противной стороны, изложивъ доводы о бездоказательности иска, коснулся нравственной стороны дѣла. Онъ находилъ, и мы съ нимъ согласны, что утилизація самого факта смерти или, какъ мы выразились, взыскъ за мертвую душу Сегельмана, не дѣлаея чести нравственной чуткости лицъ, вчинавшихъ и поддерживавшихъ такой искъ. Г. Звонниковъ произнесъ въ отвѣтъ золотыя слова; онъ со свойственнымъ ему апломбомъ заявлялъ, — разсужденія эти настолько комичны, что не заслуживаютъ серьезнаго разбора, и сослался на то, что при страхованіи жизни наследники утилизируютъ фактъ смерти лица застрахованнаго въ свою пользу, и никто ничего предосудительнаго въ этомъ дескать не видитъ. Что Павлу Ивановичу кажется комичнымъ, когда человекъ щепетильно разбираетъ разные способы наживы — это его дѣло. Это очень характерно для того, кто интересуется г. Звонниковымъ, какъ г. Звонниковымъ — вообще-же это не имѣетъ особаго значенія. Много есть людей, которые вопросъ о способахъ пріобрѣтенія ставятъ еще шире, чѣмъ г. Звонниковъ. Мы находимъ нужнымъ указать только, что между звонниковскимъ процессомъ, съ цѣлью 60,000 Сегельмана присвокупить еще 50,000, и страхованіемъ жизни нѣтъ ничего общаго. Страхованіе есть договоръ, заключенный между двумя сторонами, страхованіе жизни настолько-же похоже на спекуляцію жизнью, насколько страхованіе отъ огня похоже на наживаніе денегъ посредствомъ пожара. Я страхую свою жизнь, потому что немилѣю ни движимаго, ни капиталовъ, которые могъ бы оставить послѣ себя тѣмъ, кто мнѣ дорогъ. Я вношу ежегодно деньги по частямъ, по грошамъ. Мнѣ не было-бы резона вносить ихъ, если-бъ и зналъ, что усійю скопить кое-что при жизни для моей семьи; но часъ смерти мнѣ невѣдомъ, точно такъ-же какъ и то, когда сгоритъ мой домъ. Страховое общество опредѣляетъ черезъ врачей состояніе моего

здоровья и за определенную ежегодную сумму гарантирует мою семью от нищеты. Ни одно страховое общество еще не несло от этой операции убытков; но оно, конечно, не утилизирует при этом факта смерти, ему гораздо интереснее, чтобы я прожил как можно дольше. Не утилизируют его и мои наследники,—они во всяком случае несут материальный ущерб с моей смертью. Положим, имь достанутся после меня деньги; но останусь я жив, я обезпечивал-бы имь содержание своей работой и сбережения оставил-бы. Страхование дает имь только возможность знать заранее, что после моей смерти известная сумма денег будет употреблена желательным имь образом. Называть страхование утилизацией смерти также нельзя, как считать пенсию наградой за несоблюдение к труду, большие касы—наградой за веदунг и болванг.

Упомянем, однако, и о великодушн г. Звонников. Г. Звонников просит только 50,000, а закон определяет, вь случаях смерти по чьей-либо винь кормильца семьи, вознаграждение вь слѣдующемъ порядкѣ: вдовѣ до выхода за мужь, малолѣткамъ мужского пола до совершеннолѣтія, дочерямъ до выхода за мужь. Можетъ быть, если вдова не расчитываетъ вторично вступить вь бракъ, а дѣти малы, то можно-бы постепеино изъ касы пароходнаго общества выбрать и побольше 50,000. Или тажущіеся наши, что лучше получить всю сумму «кучкой», а можетъ-быть думать, что и 50 тысячъ за глаза довольно? Не правда-ли, какая трогательная умѣренность!

Вь здѣшнемъ судѣ г. Звонниковъ проигралъ дѣло; но берегитесь и ты, кахтинское общество, берегитесь и вы, богатые, старые мужья молодыхъ женъ, и возлюбите все племянички-наследнички богатыхъ дядюшекъ, если дѣло выграется вь слѣдующей инстанціи.

Вдѣтъ съ богатымъ дядюшкой племяничекъ, жаждущій наследства, къ Байкалу и размышляетъ—все равно умереть скоро дяди и 50,000 вь годѣ! Не пособитъ-ли тутъ Байкалъ? Сивиститъ пароходъ «Платонъ»—а, это хорошо, думаетъ наследникъ—тотъ самый, на которомъ выудили 50,000. Идѣтъ, крахитъ «Платонъ», который кахтинские хозяева послѣ несчастнаго процесса изъ «Платона» переименовали вь «удвоенное наследство». Байкалъ начинаетъ шумѣть. «Mon oncle—говоритъ наследникъ—въ каютѣ душно, ваетъ укачаетъ, вы-бы вышли на палубу, отдохнули вь коляскѣ, какіе виды, бурный Байкалъ, горы кругомъ!» «Милый Serge, неужели тебѣ 50 тысячъ вь годѣ мало? горько вопрошаетъ старикъ.

«Ахъ, mon oncle, какъ вамъ не стыдно, да вѣдь вы-же знаете, что г. Звонниковъ вь Иркутскѣ проигралъ этотъ процессъ.

Такъ-то такъ, но все-же, знаешь, страшно.

Знаете-ли, господа, что?—Вышивается вь разговоръ человекъ омытиса необыкновенной.—Замѣните дядюшку куколъ и положите вь коляску, а вы, ваше в-ство, надѣньте армякъ, сядте вь третій классъ, никто не узнаетъ, затѣмъ убѣжайте за границу и т. д.

Это неудобно, можетъ оказаться подлогъ; да вѣдь коляска привлана, протестуетъ дяди

Э, полноте, за 25 рублей матросъ вамъ ее такъ привяжутъ, что живо вонь вылетитъ при первой волнѣ.

Mon oncle, соглашайтесь! Тогда имь, и вамъ по 50 тысячъ!—Неужели нельзя посидѣть 3-хъ—4-хъ часовъ вь армякѣ изъ-за 50,000? Вспомните, сколько хлопотъ и неприятностей вынесъ г. Звонниковъ ради наследниковъ Сегельмана, сколько писалъ, судоворилъ и не для себя, не для родственника, а для другихъ.

Но вѣдь тамъ, милый Serge, утопление-то на самомъ дѣлѣ было, а вѣдь тутъ кукла—вдругъ еще всплыветъ?

Не беспокойтесь, говорятъ человекъ омытиса необыкновенной, со времени Сегельмана практика этого дѣла сблала такіе успѣхи, что все прежде кажется дѣтской игрой. Положитесь только на меня и уступите по 17,000 имь—и ни одинъ Гаряевъ тутъ ничего не подѣлаетъ.

Неисправимый резонеръ.

М. г. г. редакторъ!

По поводу помѣщеннаго вь вашей уважаемой газетѣ отчета судебного засѣданія по иску Сегельманъ я считаю необходимымъ обвѣститъ тѣ доводъ имь защиты, которымъ могутъ придать ошибочное толкованіе, а потому покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, мѣсто дать также вь вашей газетѣ и нижеизъложенной имь защитѣ.

Обративъ вниманіе суда на absurdъ вь опредѣленіи дѣна иска по доходности я, доказавъ полное отсутствіе наличности какъ факта, такъ и размера убытка, обнаружилъ, что семья С., продолжая торговлю, получила по смерти С. за 7 мѣсяцевъ 6065 р. прибыла и что состояніе ее опредѣляется свыше 60 т. р. Указавъ затѣмъ на 637 ст. X т. I ч., нормирующую для членовъ оставшагося семейства право требовать вознагражденія вь размѣрѣ необходимыхъ средствъ на содержаніе, впродъ до пріобрѣтенія ими другихъ средствъ существованія, и пришелъ къ выводу, что настоящій

искъ предпринять вь нарушение правденной статьи съ дѣла обогащенія и что утилизированіе даже совершившагося факта смерти, какъ источника къ обогащенію, противно нравственности, а потому утверждалъ, что договоръ довѣренности между г-жею С. и г. З. за число 1529 ст. X т. I ч. подлежитъ увѣжоженію и искъ уже по одному этому не подлежитъ удовлетворенію.

Г. Звонниковъ извѣлъ такой выводъ комычными и вь опроверженіе правель страхованіе жизни. Но я думаю, что это сюда не относится. Страхваніе жизни есть договоръ при жизни, обставленный известными законными условіями, и при страхованіи жизни уплачивается премія, такъ что это вь сущности является однимъ изъ способовъ сбереженія своихъ-же собственныхъ средствъ. Можно заключать и другіе договоры. Впр. парѣ что такое-то лицо умереть черезъ мѣсяць, но и это не то. Вь данномъ случаѣ вѣтъ существеннаго элемента этихъ договоровъ—вѣрнотѣ или повѣрнотѣ и не утилизируется возможность смерти, какъ факта вь положенныхъ предѣлахъ жизни неизбежнаго, но неизвѣстно, когда имьощаго наступитъ, а утилизируется уже совершившаея фактъ, какъ источникъ къ обогащенію. Пользоваться послѣдствіями смерти, оставшимся имуществомъ и наследственными правами, осваивъ другое дѣло. Г. С. никакого права, ни по какому договору на получение сѣ пароходства 50000 р. семьѣ своей не оставилъ. Вь данномъ случаѣ представляется безнравственнымъ какъ-бы самое отношеніе къ факту смерти. Смерть близкаго всегда приноситъ горе, а не гешефтъ. Да иначе-бы и законъ не нормировалъ право на вознагражденіе укуваними предѣлами.

Поднимая этотъ вопросъ передъ судомъ, я указалъ на 939 ст. ул. о нак., угрожающую штрафомъ не свыше 50 р. единственно съ тоу дѣлаю, чтобы судъ вь опредѣленіи высказалъ именно эту сторону дѣла. Понятно, что вопросъ не вь примѣненіи этой статьи. Вѣдь ялаго умысла я не доказывалъ, потому и привелъ 92 ст. ул. о нак.; разработать вь этомъ уже дѣло уголовного суда и, впротавъ, будетъ признанъ невмѣлемость. Я ставлю вопросъ отвлеченно, принципиально, какъ доказательство на гражданской инстанціи, и утверждаю только наличность факта противнаго нравственнымъ началамъ. Я лично противъ г. Звонникова ничего не имѣю и не имѣю; но amicus Plato, sed magis amica veritas est. Ничего подобнаго вь судебной практикѣ не было и я, думаю, что судъ не замолчитъ этого вопроса не только вь интересахъ обихъ сторонъ, но и общества. Словомъ увидимъ quia bien, qui gira le dernier. Примите и пр. *И. Гаряевъ.*

Справочный отдѣлъ.

РЕПЕРТУАРЪ ТЕАТРА.

Воскресенье, 26: «Гроза», др. вь 5 д. «Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ», вь 1 д.

Понедѣльникъ, 27: «Таинственный убійца», др. вь 5 д. «Комедія съ дядюшкой», вь 1 д.

Вторникъ, 28: «Какъ поживешь, такъ и прослывешь», др. вь 5 д. «На хавбъ и на воду», вь 1 д.

Среда, 29: «Мать-преступница», сц.-монологъ «Лиса Патриковна», оп. вь 4 дѣйств.

Четвергъ, 30: «Материнское благословеніе», др. вь 5 д. «Затѣйница», вь 1 д.

Пятница, 31: Утромъ: «Сибгурочка», сказ. вь 5 д. Начало вь 1 час. днѣ. Вечеромъ: Маскарадъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КАЗЕННАЯ ПАЛАТА снѣ объявляетъ, что **ТОРГИ**, назначенные на 29 декабря с. г. на сдачу вь аренду Дарасунскаго минеральнаго источника, по распоряженію г. приамурскаго генералъ-губернатора, **ОТМѢНЯЮТСЯ.** 1006—2—1

Вь магазинѣ театральнаго паримахера И. З. Лисова, Большая ул., д. Жбанова, полученъ изъ Россіи громадный выборъ париковъ, бородъ, усовъ и всѣхъ принадлежностей гримированія; даю на прокатъ и принимаю заказы на любительскіе спектакли, также имѣю выборъ маекрадныхъ костюмовъ, шитыхъ по рисункамъ Императорскихъ театровъ. Цѣны умѣренны. **ЛИСОВЪ.**

Для перечисленія ратниковъ ополченія изъ 2-го вь 1-й разрядъ по измѣнившемуся семейному ихъ положенію Иркутскаго Городскаго Управа, согласно § 24 инструкціи объ учетѣ ратниковъ ополченія 1-го разряда изд. 1891 г., приглашаетъ лицъ купеческаго, мѣщанскаго и деховаго сословія г. Иркутска, зачисленныхъ вь призывы 1889, 1890, 1891 и 1892 г. по семейному ихъ положенію вь ополченіе 2-го разряда, вышъ-же заявить ей письменно о прибыла и убавл членовъ ихъ семействъ, съ представленіемъ на то надлежащихъ документовъ.

При этомъ управа долгомъ считаетъ разъяснить, что ратники ополченія 2-го разряда, утратившіе право на льготу перваго разряда по семейному ихъ положенію и не заявившіе объ этомъ подлежащему воинскому присутствію или городскому управленію для перечисленія ихъ вь ополченіе 1-го разряда, вь случаѣ воспослѣдованія призыва ополченія будутъ привлечены къ отвѣтственности, установленной за употребленіе обманныхъ дѣйствій, съ цѣлью воспользоваться при отбываніи воинской повинности льготами, имь предоставленными (ст. 353 устава о воинской повинности).